

В СТОРОНЕ ОТ БИТВЫ

ГАСТРОЛИ бывают разные. Иногда театр привозит москвичам только один спектакль, но этот спектакль — событие, вокруг которого долго не смолкают споры и догадки критические хны. Бывает, что театр везет в столицу почти весь свой репертуар и его гастролы становятся развернутым творческим отчетом, как это будет у саратовцев и кубышевцев. Существует и еще одна форма гастролей, когда театр показывает 2—3 лучших своих спектакля, которые и позволяют судить об устремлениях коллектива, о его творческом лице.

Такими были гастролы ивановцев. Они привезли три спектакля: «Второе дыхание» А. Крона, «Моя семья» Эдуардо Де Филиппо и «Живет на свете женщина» Э. Аграненко. Пьесы разные, но их сценическое решение объединено стремлением театра к жизненной достоверности.

О чем бы ни рассказывал театр: о боевых буднях команды трагичков, о трагических событиях в семье Альберто Стильяно, о трудной судьбе ивановской ткачихи Галины Демидовой, всюду мы встречаемся с этой единой, принципиальной позицией коллектива.

Сегодня, среди бурных споров о режиссерском новаторстве, формалистическом увлечении некоторых постановщиков и декораторов, такая позиция могла бы быть истолкована как борьба с ложной театральностью, борьба за подлинно реалистический театр, в котором главное — актер и достоверность жизни человеческого духа. Каким принципиально важным стал бы тогда приезд в Москву Ивановского театра. Но этого не произошло. Почему же? Нужно признать: верность жизненной правде у ивановцев — это не натуралистическое следование действительности. Это та «похо-

жесть», которая рождается только в результате придирчивого отбора фактов жизни и радует зрителя искусством узнаваемости. Пожалуй, главная ценность спектакля «Живет на свете женщина» в том, что Ивановскому театру хорошо известны фактическая основа пьесы — о его земляках, ткачах. Отсюда возникает не только внешняя достоверность персонажей, но правда чувства и характеров сценических героев. И в этом несомненная заслуга постановщика спектакля, главного режиссера театра С. Рейнгольда и актерского коллектива.

Эта постановка ранее была показана на сцене Кремлевского театра, и рецензия в «Советской культуре» отмечала ее достоверность. Отрицало, что с тех пор спектакль не утратил яркости красок. Он бережно сохраняется в репертуаре, потому что служит выражением позиции театра в работе над темой современности. В Краснослободская живет в этом образе — женщина с большим, чутким сердцем, являющим любовь к людям. Но где-то рядом с большой жизненной правдой, которую несет актриса, существуют словно сами по себе другие образы и эпизоды. Вот веселая, разгульная, очень натуральная свадьба, с песнями и танцами, с традиционными возгласами. Или обеденный перерыв в пеще — эпизод, детально разработанный. Но как мелко, по-будничному заурядно выглядят такого рода сцены, будто бы достоверные в частностях и бесполовые в обобщениях.

Постому двойственно впечатление от работы театра: она несет зрителю радость узнавания чего-то близкого, дорогого всем нам, но разочаровывает бедностью осмысления.

И когда смотришь другие спектакли, привезенные ивановцами на гастролы, в этом убеждаешься снова. Снова извиливание, верно и тонко сыграны отдельные сцены, детально разработаны эпизоды, а большого, захватывающего впечатления от целого нет. Именно в этом — причина неуспеха спектакля «Моя семья».

Альберто Стильяно в исполнении И. Пругера — удача актера. Он так же выразителен в паузах, как и в диалогах. Он индивидуален и типичен. Почему разрушается семья? Почему дети не понимают родителей? Где причина одиночества Стильяно? Тщетно бьется он в поисках верного ответа. А мы, следя за актером, понимаем, как личная драма героя перерастает в драму социальную. Мы понимаем, что не может постичь Стильяно, вероятно, даже не до конца осознает сам автор: жизнь современной Италии чревата трагедиями.

Но насколько убедительнее звучал бы этот вывод, если бы Пругер — Стильяно был не один! Если бы весь строй спектакля был подчинен большому социальному обобщению. К сожалению, сцены из семейной жизни так и остаются «семей-

ными», грешат сентиментальностью и мелодраматизмом, что мешает социальному звучанию пьесы.

Это произведение Эдуардо Де Филиппо можно и нужно ставить тогда, когда театром задуман интересный «второй план», позволяющий вскрыть глубинный подтекст авторского замысла. В пеще общественное глубоко спрятано за личным. Раскрыть этот подтекст по-своему, с позиций современного советского театра — вот задача, достойная усилий талантливого коллектива. Но Ивановский театр не сумел подчинить сценические образы этой единой мысли; так собою значимый спектакль становится бытописательством.

На гастрольной афише ивановцев еще один спектакль — «Второе дыхание» А. Крона. Пьеса эта поставлена театром еще в 1958 году (режиссер А. Карпов). Несмотря на профессионально зрелую игру В. Краснослободской (в роли Лебедевой) и А. Аграфонов (Бакаланов), в целом эта работа оставляет зрителя равнодушным. И тут зрителя полусуха успеха театра крестит в том, что пьеса была прочитана недостаточно современно, а добросовестная правда частей подчас заслоняет в спектакле звучание целого, главное — то, ради чего, собственно, и должен был создан спектакль.

К сожалению, ни один из трех гастрольных спектаклей не стал событием театральной жизни столицы. Они лишь являлись формировавшими москвичей о буднях этого коллектива. Буднях спокойных, зашпленных инерцией прежних и настоящих успехов, из которых незаметно уходит темперамент гражданской мысли, неустанным стремление к поискам.

Даже в такой пьесе, как «Иркутская история» (этот спектакль я видела в Ивановце), театр остался верен своим «масштабам» обобщений. И сделано это так: участники хора заиротно появляются на сцене, рассказывая каждый раз новые подробности о жизни Сергея, Вали, Виктора, как будто это только что узнало, подслушано, подсмотрено.

Ивановцы словно сговорились не «лезть» в борьбу за право «сказать новое слово».

А ведь театр имел возможность привезти и показать известные москвичам пьесы местных драматургов, поставленные в прошлом году: «Сторожа родная» И. Лобко и «Кухаркины дети» М. Сапожниковой. Помнится, что местная печать хорошо встретила эти премьеры. Жаль, что поспешность и недостаточная требовательность к авторам, проявленные Ивановским театром в этих работах, помешали москвичам познакомиться с новыми для них драматургами.

Конечно, театр вправе решать сам, что именно повезет он на гастролы. И гастролы, как известно, бывают разные. Но событием становятся они тогда, когда театр показывает нечто новое, когда он не в стороне от битвы за это новое.

К. ПРИВАЛОВА.